

За чужими
ОКНАМИ

Ариадна
Борисова

Змеев столб

роман

ЭКМО
Москва
2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Б 82

Оформление серии и иллюстрация
на 1-й сторонке переплета *П. Петрова*

Борисова, Ариадна.

Б 82 Змеев столб : роман / Ариадна Борисова. — Москва : Эксмо, 2014. — 384 с. — (За чужими окнами. Проза М. Метлицкой и А. Борисовой).

ISBN 978-5-699-74771-9

К позорному столбу приковывали осужденных. Герои романа — еврейский парень Хаим и русская девушка Мария — осуждены без вины. Только из-за происхождения их репрессируют и ссылают из Литвы на острова смерти. Сохранить любовь и человечность там практически невозможно. Но именно эти качества и придают молодым людям силы, именно они помогают выжить.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Борисова А., текст, 2013
© Улицкая Л., вступительная статья, 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-74771-9

Предисловие к роману

Роман — история любви. Любви сильной, редкостной, героической и жертвенной. Но уникальность этой любовной истории заключается не в ней самой. Мало ли написано в мире книг о великой и жертвенной любви? И о разрушительном, уничтожающем мир любовном пламени, и о мстительной, сжигающей страсти, и о самоубийстве на почве любви, и об убийстве изменника... Словом, добавить что-то новое очень трудно. Ариадне Борисовой это удалось — нашла она особые краски, и особые характеры, и особые обстоятельства. Мир довоенной Литвы, в котором разворачивается любовная история Хаима Готлиба, выходца из богатого торгово-ремесленного еврейства, первого в семье, получившего хорошее образование в Германии, и русской дворянки-сироты, воспитанной в детском приюте при православной церкви, мало знаком российскому читателю. Канун Второй мировой войны — не лучшее время для мирной и счастливой семейной жизни. Молодая пара выдерживает жестокие испытания времени — конфликт с близкими, оккупация Литвы сначала советскими войсками, потом фашистскими, потеря ребенка, арест и высылка, гибель семьи, адские годы в якутских лагерях, — и они выживают. Можно было бы сказать — благодаря любви. Но это будет ложью. Скорее это не милость судьбы, а теория больших чисел: миллионы погибли, таких же любящих, таких же преданных друг другу, а этим повезло.

Новизна этого произведения, существующего, по всей видимости, на грани подлинных семейных воспоминаний и писа-

тельской достаточно простой конструкторской работы, именно в раскопке глубоких слоев памяти, восстановления жестокой картины жизни людей в сталинских лагерях. Фон происходящего делает чрезвычайно значительными отношения любящей пары. За несколько таблеток красного стрептоцида, необходимых для больной жены, Хаим Готлиб готов заплатить жизнью, и только чудом ему удастся избежать смертельного наказания за вынужденную кражу. У жизни нет такого закона, по которому хорошие и добрые вознаграждаются, а злым и жадным выдается наказание, соразмерное преступлению. Но любой читатель в глубине души жаждет этой сказки: пусть добро восторжествует, пусть беззаветная любовь сияет, а зло развеется...

Именно так и заканчивается роман. Но главная его ценность — не в этом! Как известно, историю Отечественной войны 1812 года мы узнаем из романа «Война и мир» Толстого, а не из работ военных историков, которые, к слову сказать, сильно критиковали Льва Николаевича за неточности в описании военных действий. Точно таким же образом недавняя история нашего народа отражена гораздо лучше не в исторических исследованиях, а в произведениях писателей-современников — Василия Гроссмана, Александра Солженицына, Варлама Шаламова. Восстановление памяти поколения — одна из высших задач писателя. И роман Ариадны Борисовой — бесхитростный, трогательный, убедительный — продолжает эту великую традицию.

Людмила Улицкая

Часть первая

Адамово яблоко

~ Глава 1 ~

МЛАДШИЙ СЫН ВСЕГДА ЧУДАК

Семейную торгово-промышленную компанию возглавлял старый Ицхак Готлиб, чья фамилия стояла в списке попечительского комитета клайпедской общины немецких евреев. Из скромного лавочника он незаметно превратился в солидного дельца и никогда не выставлял напоказ своего богатства, зная, как трудно сберечь имущество, нажитое трудом — честным трудом, хотя и не без некоторого авантюризма. Впрочем, казалось, деньги сами стаями слетаются к нему, словно птицы на жердочку дрессировщика, такой естественной способностью приручать их он обладал. Деревообрабатывающая фирма процветала. Коммерческий нюх старого Ицхака с невероятной точностью подсказывал ему лучшее время сбыта продукции и пределы покупательских возможностей. В отличие от многих, хозяйство не претерпело больших убытков даже тогда, когда Неман из-за польской экспансии закрывался для поставок леса из России. В середине 30-х внешние партнеры прервали связи со многими литовскими торговыми обществами, но компания Готлибов удержалась на плаву. Сметоновское¹ пра-

---

¹ Сметона Антанас (1874–1944) — государственный деятель, один из идеологов литовского нацизма, президент Литовской Республики (1926–1940).

вительство увеличило квоты на сбыт казенного дерева, подписало прерванное соглашение о ввозе сырья с советской стороны, и старому Ицхаку удалось заключить в Европе выгодные сделки по строевому фабрикату, принесшие семейству недурственный доход.

К городу-порту давно вернулось древнее куршское¹ название — Клайпеда. Между тем, на картах экс-хозяйки Германии он по-прежнему значился как Memelland² и остался типично прусским. Снисходительно мирясь с властью Каунаса³, мемельцы по-прежнему считали свою родину предместьем фатерлянда.

На морском перекрестке военно-торговых путей всегда было тревожно, но банкротство, ущерб и пожары обходили дом старого Ицхака, точно он был заговоренным. Прадед выстроил это трехэтажное здание в обычном для здешних мест стиле фахверк близ устья Дане еще в начале девятнадцатого века после эдикта, снявшего запрет на еврейское гражданство в Мемельском крае.

Особняк стоял в начале двора, выложенного стертым до гладкости булыжником. Летом с нового мезонина ниспадали, мягко колышась на ветру, юбки дикого винограда. Пышный зеленый подол украшала пестрая кайма из многолетних цветов. На просторных задворках, как смежное государство с отдельными воротами, выходящими на другую улицу, жили вечно хлопотливой жизнью кухня с подсобкой, флигель для прислуги, кладовые, мастерская и гараж. Службы отгораживал от дома вытянутый в ширину яблоневый сад с нарядной беседкой, где любили играть сначала дети, а теперь — внуки.

---

¹ Курши — древнее племя, населявшее побережье Балтийского моря. Как отдельная этническая группа упоминается до конца XVI века.

² До того, как снова стать Клайпедой, город семь веков носил название Мемель (по немецкому названию реки Неман).

³ В 1919 году по Версальскому договору Мемельский край был отторгнут от Германии. В 1923-м, после захвата края Литвой, Лига Наций согласилась передать его Литовской Республике, оговорив предоставление автономии. Каунас в то время был столицей Литвы.

Старый Ицхак был счастлив детьми. Трое старших сыновей, получив приличное образование, обзавелись семьями и трудились на благо фамильного дела. Из Лейпцига только что вернулся с университетским дипломом младший, любимец отца Хаим. Единственная дочь Сара, последыш почтенных родителей, посещала прогрессивную светскую школу.

Хозяин, будучи человеком набожным, все же не вступал в противоречия с передовыми велениями времени, но его жена придерживалась более суровых взглядов. Родом из ортодоксальной семьи, Генедел Рахиль Готлиб, или матушка Гене, как звали ее домочадцы, строго следила за порядком и соблюдением основных обрядов и заповедей Торы. Прислуга после трудов с трепетом ожидала оценки госпожи, а невестки были обязаны еженедельно отчитываться перед свекровью во внутриклановых радостях и проступках. Под ее прицельным взором чувствовали себя виноватыми и те, кто не заметил огрехов. В этом обособленном мирке, где хозяйка была одновременно светочем и тираном, царили безукоризненная чистота, открытость и щепетильность во всем.

Матушка Гене с полным правом гордилась послушанием и способностями сыновей. Но получилось так, что младший нарушил патриархальные обычаи дома. Переломным событием к неожиданному заявлению Хаима стало исполнение сольной партии в студенческом хоре на краевом клайпедском празднике. Жюри конкурса провозгласило коллектив лучшим, и в тот же вечер молодой человек высказал на семейном ужине желание соединить свое будущее с артистической карьерой.

Матушка была вынуждена признаться себе, что младший сын всегда отличался от братьев ветреным нравом. К его рождению старый Ицхак накопил основную часть капитала и стал больше времени уделять семье, но старшие мальчишки успели вырасти, и вся его нерастраченная родительская энергия обрушилась на Хаима. Благодаря эстетическим пристрастиям отца, страстного меломана в молодости, сын был возвращен на немецкой исполнительской культуре и окончил музыкальную

школу. Из всех детей именно он унаследовал приятный отцовский голос, лирический баритон с шелковистой теноровой ноткой, приводивший в восхищение многих. Матушка Гене тайне удивлялась: по ее убеждению, такой голос хорош был для кабака, где людям все равно, баритон, тенор или серединка на половинку, а никак не для театральной сцены.

Горестные размышления уверили женщину, что в легкомыслии сына виновато, кроме попустительства мужа, неофициальное «просвещение», полученное Хаимом в Лейпциге на вредных студенческих собраниях, где хитроумные ораторы, нанятые реакционными партиями, забивали головы молодым искаженными понятиями о жизни и устройстве мира. Матушка Гене прекрасно знала, кто виновен в международном политическом разброде и спаде экономики. Это социалисты всех мастей руководили забастовками рабочих и разоряли хуторян. А потом, распродав земли и скот, крестьяне сидели на баулах по всей Литве, ждали на вокзалах вербовщиков на плантации Южной Америки, — потому и стали случаться перебои с мясом и молочными продуктами в кошерных магазинах... Но хуже всего, что повсюду в моду вошел культ порочной богемы и, как следствие, падение устоев семьи и безбожие.

Геневдел Рахиль старалась не показывать тревоги на людях, но наедине с собой, чувствуя себя парализованной угрозой хаоса, внесенного сыном в трудно созданное ею домашнее равновесие, билась и плакала. Хаим! Хаим совсем отбился от рук! Того и глядя перестанет молиться, начнет брить виски и поедать трейфу!¹

— Ах, Ицек, выходит, не зря даже в сказках говорится, что младшие сыновья всегда чудачки, если не сказать хуже! Неужели мы столько лет учили сына для того, чтобы он пел оперетки? — кинулась женщина к мужу за сочувствием и утешением.

— У Хаима красивый голос, — не очень твердо возразил супруг.

---

¹ Трейфа — запрещенная Торой некошерная пища.

— О да, как не поверить восторгам толпы! — съязвила матушка, мгновенно переходя от отчаяния к гневу.

— Жюри конкурса было профессиональным.

— За свои деньги ты мог бы солировать с тем же успехом!

В организацию праздника была вложена некоторая толика пожертвований от компании Готлибов.

— Мы поддержали устроителей и в прошлый раз. Не мог же я отказать просьбам только потому, что в нынешнем конкурсе участвовал мой сын, — рассердился старый Ицхак. — И вспомни, что не Хаим, а хор заслужил признание.

— А ты вспомни себя, Ицек, вспомни себя! Ты ведь почему-то послушал родителей, не пошел в вокалисты! И разве не преуспел? Или мало работаешь вместе с мальчишками, мало всем помогаешь и не пользуешься уважением? Что по сравнению с этим так называемое «призвание» Хаима? Может, он не сумеет заработать себе и на кусок хлеба! А сплетни, Ицек? Сплетни тебя не волнуют? Знакомые непременно осудят нашего сына, а заодно и нас за то, что мы потакаем его капризам! Люди просто будут смеяться над нами! Ох, и распрекрасное же скажут, занятие для мальчика из приличного дома! Окончил экономический факультет, чтобы распевать песенки в концертах!

— Ну что ты заладила — «песенки», «оперетки», — урезонивал старый Ицхак, пытаясь привести какие-то доводы в защиту выбора сына, но уговоры только распалили матушку Гене. Она бегала по комнате, заламывая руки, и свистящим от ярости шепотом призывала мужа образумить «глупого мальчишку».

— Искусство только называется изящным, а на самом деле коварно, богомерзко, безнравственно! Лицедейство ведет к пороку и пьянству! Я не удивлюсь, если из-за твоего поворота Хаим станет социалистом и отречется от нас!

Матушка роняла горькие слова, подсказанные страхом сердца, которые обычно придерживала в себе. Ей уже начало казаться, что сын пал на дно жизни, где нет места порядочным людям.

— Гене, ты преувеличиваешь, — с раздражением прервал

старый Ицхак. — В консерватории его научат петь для избранной публики.

— Где-е?!

— Да, прости, я забыл сказать: он мечтает поступить в Каунасскую консерваторию...

— Таланту нигде не учат, — отрезала взбешенная матушка, не заметив в запале, что дверь приоткрыта, и в щели поблескивают блестящие от любопытства глаза дочери.

Избалованная общим вниманием и любовью, двенадцатилетняя Сара благочестием не отличалась. Без всяких укоров совести подслушав ссору, девочка тотчас побежала искать Хаима. Она любила его больше, чем старших братьев, за веселый нрав и готовность к проказам. В юном своем эгоизме Сара старалась припомнить родительский разговор слово за словом, не замечая в них опасности. Ее больше занимало, как смешно матушка Гене тарщила глаза и вертела руками.

Брат лежал в беседке на скамейке с томом Келлермана¹ в правой руке и бутербродом в левой. Незаметно подкравшись, Сара просунула ладонь в решетку беседки и собралась было выдернуть бутерброд, но Хаим оказался проворнее и ухватил шалунью за высунувшийся кончик косы:

— Караул! Держи вора!

— Смотри, книгу маслом измажешь, — засмеялась Сара и заговорщицки прищурилась, входя в беседку. — Ни за что не угадаешь, что я сейчас слышала!

Хаим сел, сложив по-турецки ноги, и грозно уставился на сестрицу:

— Рассказывай, о лунолика, иначе верные мои визири отрубят твой любопытный нос и твои длинные уши!

Актерский этюд Сары был не лишен забавного сходства с характерными манерами родителей, но ожидания девочки не

---

¹ Бернгард Келлерман — немецкий писатель (1879–1951), автор романов, призывающих к демократическому преобразованию.

оправдались. Зритель не восхитился по обыкновению, и благодарных аплодисментов она не дождалась. Сконфуженная, она вдруг поняла, что слова матери, а особенно вынесенный ею вердикт тяжело задела брата.

Сара попробовала исправить свое неделикатное вторжение в ту область, к которой он, оказываясь, относился слишком серьезно.

— Хаим, ну, Хаим, — потянула она его за рукав и капризно надула губы. — Не обижайся! Матушка Гене просто не хочет, чтобы ты поступил в консерваторию, поэтому так злится. Никто же не сомневается в твоём таланте! На празднике ты пел лучше всех, люди только о тебе говорили...

— Кто, например? — насторожился он.

— Один незнакомый человек, на вид учитель, — не моргнув глазом, соврала Сара, в ужасе соображая, как далеко зашла. — Или музыкант... Да-да, скорее всего, музыкант!

— Что он сказал?

— Ну-у... Я не очень хорошо помню... Кажется, о том, что тебе с таким замечательным голосом пора записаться в оперную студию.

— В какую еще оперную?

— Частную. Ее открыли при драмтеатре.

Сара перевела дух и похвалила себя за привычку читать случайные объявления. Под репертуарной афишкой ей вчера очень кстати встретилась информация о наборе студийцев с начальной музыкальной подготовкой.

Откинувшись на спинку скамьи, Хаим задумчиво посвистел, и черные, блестящие, как у сестры, глаза его оживились. Сара с облегчением убедилась, что настроение брата улучшилось.

— М-да, проказница ты этакая. Хочешь мне помочь?

— Конечно!

— Скажи матушке, будто я туда уже записался.

— А ты запишешься?

— Обязательно.

Неугомонная Сара тут же представила, что из этого может

получиться. Заранее веря в триумф Хаима, в восторге от собственной хитрости и счастливого разрешения щекотливой ситуации, она зачистила:

— И ты станешь репетировать с другими певцами? А оркестр там есть? А если нет, то как без оркестра? Что вы поставите?

— Пока не знаю, — буркнул он.

— «Тристана и Изольду»! — запрыгала девочка, хлопая в ладоши. — Пожалуйста, пожалуйста, ладно?!

Несколько лет назад они в Лейпциге вместе слушали эту оперу в постановке дрезденской гастрольной труппы.

— Когда-нибудь потом, — уклонился он и вспомнил, как глубоко переживала впечатлительная сестренка рассказанную в музыке трагедию любви и смерти.

Сара зажмурилась, в избытке чувств прижав руки к груди:

— О, я вижу тебя в роли Тристана, Хаим! В длинной накидке, с мечом в руке, ты такой красивый! Хаим, ты непременно попадешь в лучший состав!

— Тристан — это тенор, Сара, а моему баритону больше подойдет Курвенал.

— Оруженосец? — фыркнула девочка. — Но ты же сам говорил, что будешь универсальным певцом!

— Ну, может, буду...

Хаим смущенно хмыкнул. Ему, оскорбленному неверием матери в его певческий дар, тоже очень хотелось так думать.

Как было обещано, Сара торжественно передала родителям радостную новость и, несмотря на то что сообщение опережало действительность, дала волю разыгравшемуся воображению. Руководители студии, по ее словам, вроде бы сочли брата восходящей оперной звездой. «Вроде бы» не позволяло, в случае чего, уличить ее во вранье: вроде бы — да, вроде бы — нет...

Маленькая лгунья рассчитала верно: матушка отнеслась к лукавому слову без внимания — ее огорошил очередной успех сына. Строптивость Хаима оказалась сильнее домашней оппозиции и вызвала невольное уважение.

Матушка Гене сдалась. «Ицек, пожалуй, прав, — сломленно вздыхая, размышляла она теперь. — Нет ничего зазорного в творческой профессии. Все зависит от человека, а опера — самый благородный вид из всех сомнительных видов искусств... Если у мальчика дар, нельзя наступать на горло песне».

Сын отправился в Каунасскую консерваторию на подготовительные экзаменационные курсы.

~ Глава 2 ~

КОРОЛЕВА МАРИЯ

В Каунасе Хаим проиграл матушке. Проиграл тем бесславнее, что так слепо и самовлюбленно сопротивлялся очевидной правде. Истина открылась перед ним со всей беспощадностью, когда он услышал подлинно талантливое пение одного из поступающих. Чувствуя себя нелепым экспонатом на выставке удачи, Хаим не стал дожидаться экзаменов. Насмешливая Мельпомена показала язык, и полные сладкого самообмана мечты облетели, как осенние листья в бурю. Подавленный, будто в легком рюкзаке за его плечами лежали не пара белья и книги, а тяжкое бремя чужого успеха, отвергнутый искусством, он плелся домой от вокзала.

Возле кинотеатра Хаим задержался у рекламной тумбы с анонсом фильма «Королева Кристина». Прекрасная Грета Гарбо смотрела с афиши вдаль, возложив руки в кожаных перчатках с широкими раструбами на что-то вроде корабельного шкива. Для пущего эффекта небрежный художник ярко подмалевал отвороты мужского плаща и пряди стриженных «под отрока» волос. Но мраморно-белое лицо неряшливая ретушь не тронула. Прямо на зрителя смотрели глаза цвета глубокой